

Биография и судьба

Рассматривается проблема соотношения биографии и судьбы в историко-научном исследовании. Биография трактуется как совокупность всех действий и мыслей человека, приходящихся на годы его жизни. Судьба это комплекс всего, что предопределяет биографию человека (предбиография), наполняет его жизнь

(собственно биография) и связано с ним после ее завершения (постбиография).

Ключевые слова: биография, судьба, толстое настоящее.

Борис Докторов

Быстро, но очень нелегко пролетели шесть лет существования историко-научной рубрики "Телескопа". Она открылась в выпуске №4 за 2004 год публикацией статьи о жизни и творчестве Б.А. Грушина. С тех пор в каждом номере журнала были материалы по истории современной советской/российской социологии: биографические интервью, аналитические статьи, комментарии и др. Пришло время для изучения собранной информации. Оно должно дать ответы на вопросы исторического характера (как происходило становление и развитие постхрущевской социологии) и методологического плана (как развитие науки отражено в сознании нашего профессионального сообщества).

Невозможно было предвидеть, что опубликованная десятилетие назад в "Телескопе" статья о Джордже Гэллапе [1] приведет к публикации большого числа статей и трех книг по истории зарождения и эволюции технологии опросов общественного мнения, последняя из которых вышла в 2008 году [2]. Трудно загадывать, что произойдет с накопленным историко-биографическим архивом; он — огромен, по приближенным оценкам, лишь его опубликованная часть составляет около 80 печатных листов. Второй его весьма объемный пласт — это более чем десятилетняя переписка с большим числом российских социологов.

Данная статья — первая попытка анализа собранного материала. Результаты электронных интервью с социологами регулярно публикуются в различных книгах и журналах, на разных веб-сайтах, но его большая часть представлена в "Телескопе". Потому, естественно, если некоторые читатели увидят здесь отдельные факты и выводы, излагавшиеся мною ранее. Такова логика научного поиска. Некоторые особенности содержания статьи определяются тем, что она — фрагмент задуманной книги.

***

Существует некая сила, детерминирующая долгосрочные научные интересы ученых, удерживающая их десятилетиями в одном объектно-предметном пространстве, которое, конечно же, расширяется, во многом благодаря их исследованиям, но которое вместе с тем хранит свое качественное своеобразие. Как они открывают для себя эту нишу? Как происходит ее освоение? Что не позволяет им покинуть ее и какие факторы, или причины, наоборот, вынуждают ученых оставлять сделанное и обживать новые исследовательские пространства? В какой мере эти переходы плодотворны для ученого и науки? Это вопросы, на которые ищет ответы историческая наука.

Безусловно, может быть описан набор внешних обстоятельств, влияющих на поиски человеком своего жизненного пути, помогающих или ограничивающих выбор им главного в жизни дела, регламентирующих характер и процесс его работы и возможности профессионального общения. Вместе с тем практика показывает, что в сходных обстоятельствах одни творческие личности, в частности, социологи, быстро находят "свою" область рационального и чувственного освоения и,

несмотря на множество различных проблем и препятствий, которые им приходится преодолевать, чувствуют себя в ней комфортно, могут долгие годы неистово обследовать ее и добиваются заметных результатов. Другие, часто не менее одаренные, пробуют что-то, но, не чувствуя удовлетворенности, испытывают себя в новой области. Иногда на определенном шаге поиск завершается успешно; человек находит свое дело и тем самым себя. Третьи — так все время и маются, понимая, что жизнь уходит, а родное дело не найдено. Человек — не распознал себя, не понял себя. Но бывает и так, что обстоятельства вынудили его отказаться от "себя". История российской социологии — до и постреволюционной — богата подобными трагическими историями.

В беседе с Л.Г. Иониным оказалось естественным коснуться понятий судьба, зов судьбы. Вопрос звучал так: "я начинаю думать, что понятие "знак судьбы" — не просто художественный образ... может твоя переделкинская история с выходом на Пастернака и Канетти и история вокруг "Мастера и Маргариты" это некие знаки судьбы, мимо которых ты не проскочил?.. все выглядит слишком целостно, чтобы говорить о цепочке случаев". Ответ Ионина был весьма обстоятельным, очертившим многое из происходившего в его жизни [3]. Приводимое ниже — лишь каркас позиции Ионина по этому поводу, иллюстративная часть его рассуждений не представлена здесь:

Целостность возникает "потом", она есть результатом интерпретации ex post facto, если вообще не post mortem. "Не проскочить" мимо "знаков судьбы" нельзя, нечто становится знаком судьбы лишь после того и в результате того, что ты мимо этого не проскочил. Просто надо не сопротивляться жизни, состоящей в твоих собственных внутренних импульсах. Кажется, Сенеке принадлежит афоризм: соглашающихся судьба ведет, сопротивляющихся тащит. У меня в жизни было очень много начинаний-ответвлений в разные стороны — как в профессиональной области, так и во внепрофессиональной, — к примеру, геология, попытка вступить в КПСС, работа на телевидении, игра на бирже, политконсультирование, журнализм, изучение Парсонса, искушение остаться за границей в 90-е годы и др. И не сказать, чтобы результат этих начинаний был катастрофическим, просто что-то как-то не получалось. Это как будто идешь по дороге, состоящей из постоянных развилок. Сворачиваешь направо, шагаешь и вот скоро чувствуешь, что либо грязь слишком много, либо в гору все время, что раздражает, либо вообще воздух какой-то не тот. Идешь обратно и поворачиваешь налево. А потом оказывается, что эта стрелка, указывающая налево — "знак судьбы". Потому что идетя легко и далеко. Поэтому я научился довольно легко отказываться от начатого, не сожалая о том, что не удалось, не пересчитывая написанного, не пересчитывая скрупулезно затраченные ресурсы (что, мол, нельзя, чтобы все это пропало, не

принеся результата) и подчиняясь жизненному импульсу. <...> Стратегия подчинения судьбе содержательно всегда сугубо индивидуальна. Надо только следовать первичному жизненному импульсу и не пытаться силой "переломить" самого себя и тем самым судьбу. Тогда жизнь легче и стрессов меньше. И неврозов. Это жизненная философия, которую я не представляю в качестве образца для подражания. Тем не менее, это и есть интуитивное нащупывание того, что потом и складывается как судьба, как предназначенность. Такая вот протестантская этика, хотя и в своеобразном варианте.

Через три года после завершения этого интервью тема судьбы возникла в электронном разговоре с христианским социологом В.А. Бачининым [4]. Не зная реакции Ионины, он тоже вспомнил "телегу Сенеки":

...убежден, что всё, что было в моей жизни, не было случайным. Случайностей вообще в мире не бывает. Иисус говорит: "У вас и волосы все на голове сочтены". Есть суверенная воля Бога и свободная воля человека. Из переплетений этих двух векторов складывается наш жизненный путь. Бог ведет того, кто Ему послушен. Но Он — не телега Сенеки и не тащит за собой тех, кто упрямится, кто глух к Его призывам, кто не желает внимать Ему. Он оставляет таких людей (такие страны и народы) без Своего попечения, и те становятся легкой добычей темных сил. <...> Иными словами, Богу было угодно вести меня по жизни, вывести на главный духовный рубеж, организовать мне ту решающую встречу, о которой я упоминал выше, и постараться меня перед выбором: принять Христа в свое сердце или отвергнуть. Я принял, и с этого момента всё изменилось, о чем, впрочем, я уже говорил. Почему я легко поступил в элитный университет, почему легко стал кандидатом наук (лишь за полтора года заочной аспирантуры в Институте философии АН СССР), почему затем без каких-то чрезвычайных усилий и затрат стал сравнительно молодым доктором и профессором, опубликовал семь сотен работ, в том числе 54 книги? Да просто потому, что Богу это было угодно. Он вел меня, открывал передо мной нужные двери, сводил с нужными людьми, поскольку готовил меня к определенному служению, чтобы я смог, в конце концов, поставить перед нашим ученым сообществом вопрос, который никому из его нынешних членов не приходится в голову: "Есть ли Бог в социологии?" Богу было угодно превратить для меня мою профессию в мое служение, поместить меня в ту среду, где это служение возможно, и изымать из той среды, где оно невозможно.

Итогом анализа проведенных по электронной почте интервью должна быть история советской/российской социологии как она видится ее создателями, но невозможно обойти вниманием темы более общего характера. Что такое биография? Как биография соотносится с судьбой? К какой области науки относится изучение биографий? Какие методологические принципы лежат в основании понимания личности ученого? Эти и подобные вопросы постоянно напоминают о себе в процессе интервью и при анализе собранной информации. Нередко сама практика "по ходу дела" подсказывает ответы на них. Но вряд ли имеет смысл останавливаться на описании процедуры поиска решений подобных прикладных, частных задач, можно лишь сказать, что в общем случае эти решения являются проекцией неких общих исследовательских представлений, установок и подходов на конкретную проблемную ситуацию. Вместе с тем имеет смысл обозначить, что в данной работе понимается под биографией и судьбой.

Многие годы посвятившая изучению биографический ин-

формации историк и искусствовед И.Ф.Петровская [5] предложила научное направление "биографику", ориентированное на постижение жизни конкретных людей, причастных ко всем областям человеческой деятельности. Подобно истории, которую составляет историческое знание, а также теории и методике исторических исследований, биографика как специальная историческая наука включает разработку теоретических проблем этой науки и закономерностей человеческой жизни и собственно биографическое знание. Целостную биографию она понимает как повествование об истории индивидуального жизненного пути от его начала до конца, исследование жизни человека во всех ее проявлениях. Кроме полных, всесторонних биографий возможны и описания части жизненного пути — временного его отрезка или выделенной для изучения области деятельности. Но в любом случае, биография — больше, чем хроника жизни и творчества, в ней должно присутствовать понимание целостности прожитого человеком.

По мнению Петровской, воссоздание целостной биографии человека предполагает знание его жизненного пути, а также условий его жизни, включая бытовой уклад, формы проведения досуга и т.д. Внесоциального, внеисторического человека не бывает, потому в изучение индивидуального жизненного пути входит изучение эпохи и среды. Эпоха — не "исторический фон", а партнер человека на протяжении всей его жизни. Следовательно значимой оказывается личная позиция человека в исторических событиях: участие или неучастие в них, их восприятие, оценка. В изучение индивидуального жизненного пути входит изучение эпохи и среды. Поскольку жизнь — это не только события, но и их переживание, постольку большое значение имеет также область чувств человека. Вникая в характер личности, приходится учитывать, что в ее характере сосуществуют "ведущие" и "второстепенные" черты, которые могут взаимно контрастировать.

По сути аналогичный взгляд на биографию высказан социологом и культурологом Б.Н. Дубиним [6], но он жестче, на более высоком уровне обобщения выделяет в ней два неразрывных аспекта. С одной стороны, биография — это "схема упорядочения собственного опыта, авторегулятивная конструкция и в этом смысле компонент системы ориентации самого действующего индивида. С другой — это косвенное, так или иначе гипотетическое воспроизведение (дублирование) схемы самопонимания и самопредъявления индивида теперь уже другим действующим лицом в ходе его специфического смыслового действия — в ситуации и акте биографирования, биографической реконструкции, "внешнего" понимания, интерпретации апостериори".

Традиционно ученых, изучающих жизнь и творчество выдающихся личностей, называют биографами, словом, производным от био-графия (описание жизни). Это представляется очевидным. Мне ни в коем случае не кажется необходимым нарушать сложившийся порядок, но представляется важным указать на существование несколько необычной, но весьма эвристичной трактовки деятельности по восстановлению образа биографируемых людей. Она принадлежит известному специалисту в области истории и философии физики Б.Г. Кузнецову, автору научных биографий А.Эйнштейна, Г. Галилея, И. Ньютона и других выдающихся ученых и мыслителей. Во введении к своей небольшой автобиографической книге, являющейся коллекцией эссе о встречах с людьми, оставившими неизгладимый след в его памяти (к примеру, Г.М. Кржижановский, В.И. Вернадский, И.Е. Тамм, Ф. Жолио-Кюри, Луи де Бройль), он отмечал, что исследователя прошлого науки и творчества ученых, возможно, более уместно называть "биологом", нежели "биографом" [7]. "Графия" указывает на описание жизни, тогда как не используемый в наше время в его исходном смысле линнеевский термин "биолог" соединяет "Биос" и "Логос" и указывает на постижение, познание жизни в ее единстве с окружающим миром.

То обстоятельство, что история науки не сводится к анализу жизненных путей и творчества отдельных социологов, заметно усложняет использование в настоящем исследовании возможностей, вытекающих из "био-логической" интерпретации "био-графического" материала. И все же именно био-логическая "платформа" лежит в основании осуществляемого ниже рассмотрения жизнеописаний.

Согласно Петровской, "биография — это всегда история, рассказ о прошедшем". На мой взгляд, это верно, но лишь в том отношении, что биография — это преимущественно уже о состоявшемся или не состоявшемся, но бывшим возможным или вероятным, иногда — лишь желанном.

Однако серьезно написанная автобиография и биография, созданная профессиональным историком, не может быть лишь о прошедшем, само по себе отдаленное время интересно только узкому кругу специалистов. Биография как *био-логический* портрет личности, оставившей яркий след в той или иной области человеческой деятельности, значима только в том случае, если прошлое, присутствующее в ней, воспринимается современностью как значимое, и в этом смысле биография, даже человека жившего много веков назад, — это и рассказ о настоящем. Цель изучения биографии всегда современна и обязательно явно или латентно касается будущего. Мне близок девиз одной из онлайн-сетей американских историков: "Поскольку прошлое — это настоящее, а также — будущее" (Because the Past is the Present, and the Future too). Другими словами, "чистого" прошлого в историко-биографических исследованиях не существует.

Еще на ранней стадии изучения процесса зарождения опросной технологии и рекламы в США осуществлявшийся поиск дал мне импульс для представления о концепции меняющегося "толстого настоящего", позволяющей четко понять, чем является "современное" в историческом исследовании. Так, в заголовке первой статьи о Гэллапе [1] стояли два слова, во многом определивших направленность дальнейших постоянных размышлений и детерминировавших предмет исследований в его биографическом и внебиографическом аспектах. Эти слова — "наш современник". Тогда был приведен ряд аргументов в подтверждение того, что Гэллап — "наш современник", но они не касались интерпретации понятия настоящего как социально-исторической категории. Вскоре мне стало ясно, что временные границы пространства историко-биографических поисков не были очерченными. Оставалось множество вопросов: например, следовало ли, рассматривая становление выборочной технологии опросов общественного мнения, обращаться к генеалогии Гэллапа? К столетней истории соломенных (донаучных) опросов? К философии рекламы Барнума? К ранним исследованиям рынка Чарльза Парлина? Ведь формально все это "удалено" от прямых истоков гэллаповской процедуры опроса. Сегодняшний мой ответ — однозначен: да, следует. В противном случае прошлое не открывается, и человек, наследие которого изучается, не раскрывается.

Историко-методологический анализ сжимает прошедшие годы, приближает прошлое и одновременно заставляет взгляды в будущее. Или иначе: такой анализ раздвигает границы настоящего, *утолицает* его. В историческом взгляде на развитие тех или иных процессов настоящее не ограничивается временными рамками, как-то: вчера, сегодня, завтра, — но задается внутренней логикой этих процессов. События, удаленные от "сегодня" (в его буквальном понимании) на сотни лет, не кажутся далекими, древними, если их следы обнаруживаются в текущей повседневности. Люди, определившие развитие этих событий, оказываются современниками не только своего окружения, но и всех последующих поколений.

Статья, написанная в начале 2000 года о делавших лишь первые шаги онлайн-опросах [8], не рассматривалась мною тогда как часть историко-научных поисков: казалось, их предметом было прошлое, а Интернет — это настоя-

щее-будущее. Причем уже в названии этой работы фигурировало "толстое настоящее", веб-опросы объявлялись "обыденностью наступившего столетия". Обращение к перипетиям становления соломенных опросов (вторая половина XIX века) и изучение возникновения приборных методов измерения радиоаудитории (1920-е — 1930-е годы), состоявшееся через несколько лет после публикации указанной работы, позволило мне увидеть в зарождавшейся истории сетевых опросов многое из того, что было мне знакомо по изучению гэллаповской опросной процедуры. И "горячее настоящее" сразу "удлинилось" на сотни лет. Изучение прошлого, вырванного, отгороженного от современности, генерирует лишь вопрос: "А что было раньше?", тогда как историческая тематика, встроенная в "настоящее", добавляет к нему: "А что будет потом?"

Так, в рамках исследования постепенно оформилось стремление к постоянному "утолщению" настоящего, переносу из прошлого в современность того, что мне кажется необоснованно забытым, отброшенным. Невозможно освободиться от мысли о том, что настоящее — лишь точка в развитии различных процессов. Пришло осознание того, что прошлое, настоящее и будущее не абсолютны в социальном пространстве-времени, что в каждой его клеточке существует "свое" прошлое, настоящее и будущее.

По мнению В.А.Ядова [9], "толстое настоящее" ассоциируется с "плотным описанием" по Клиффорду Гирцу [10]. Я не анализировал специально соотношение этих двух конструкций, но очевидно, что обе они проистекают из постмодернистского дискурса и ориентированы на преодоление одномерности, линейности в описании познаваемых фактов, явлений. Кроме того, оба этих понятия укладываются в современное движение исторической науки к широкой рефлексии, к повышению роли субъективных смыслов. Однако я не нашел у Гирца установки на отказ в трактовке линейности самого времени. В моем понимании "толстое настоящее" это некая мысленная матрешка, в которой — парадокс — каждая внутренняя кукла имеет в точности размер куклы, из которой она вынута, но они различаются нарядами и выражениями лиц.

Обсуждаемая в этом исследовании тема судьбы, в полной мере соотносимая с концепцией "толстого времени" и вписывающаяся скорее в био-логический, чем в био-графический подход к анализу жизненных траекторий, появилась в поле моего внимания в конце 2003 года после прочтения небольшой книжки Ю.М. Беспаловой о западносибирских предпринимателях [11]. Не сразу, но я обратил внимание на тот раздел работы, в котором трактовалось соотношение имени, биографии и судьбы. Поскольку речь шла о людях, живших во второй половине XIX — начале XX вв., то мне показался естественным разговор об их судьбе. Тогда, по моему представлению, о судьбе было оправданно говорить лишь применительно к персонам прошлого. Но постепенно такое ощущение стало размываться, и ему на смену пришло понимание судьбы, которое, вообще говоря, распространимо как на людей, жизненный путь которых уже завершился, так и на живущих и продолжающих работать.

Понятие судьбы и все, что его окружает, восходит к глубокой древности и является предметом анализа, интерпретации, рассуждений религиозных и светских мыслителей, литераторов, исследователей культуры. Судьбу трактуют как рок, как книгу, в которой записана жизнь человека, как "зовущие" или "предупреждающие" знаки, которым человек должен следовать, как нечто родственное предназначению каждого человека, цели и смыслу его жизни. Судьбу рассматривают как некую высшую силу, или меру, устанавливающую баланс между самостоятельностью человека и его зависимостью от высших сил, между выбором и заданностью, или предопределенностью. В некоторых работах биография рассматривается как приближение к заранее предначертанному, в других — как никому не известный абсолютный идеал.

В интервью с Петровской мне показалось естественным выяснить ее мнение о соотношении биографии и судьбы. Ее ответ был неожиданным для меня: *"Не поняла вопрос о судьбе. Чуждая всяких суеверий, я не приемлю идею судьбы как предопределения. Человек сам строит свою жизнь — подчиняясь обстоятельствам, сколько возможно отстраняясь от них, преодолевая их (борясь) с большими или меньшими усилиями. По какому из возможных путей шел герой, важно выяснить в биографии. Полагаю, что жизнь человека определяют в основном три фактора: его биогенетические качества, конкретные исторические условия (социальные в широком смысле и ближайшие — семья, воспитание), собственные его желания, или жизненные планы. Роль каждого из факторов различна в жизни разных лиц. А сходные обстоятельства не предопределяют унификацию людей"* [12]. Получив этот ответ, я в телефонном разговоре с Петровской заметил, что у меня несколько иной взгляд на соотношении биографии и судьбы, который я постараюсь изложить в комментарии к ее тексту. После этого она прислала мне небольшое дополнение, главная мысль которого была передана словами: *"Потомственная атеистка, я не могу поверить в предопределение и предназначение в мистическом плане"*.

Мой опыт изучения жизненного пути людей, оставивших заметный след в ряде областей науки и культуры, показывает познавательную и методологическую плодотворность разделения биографии и судьбы, понятий близких, но имеющих разную субстанциональность. Для меня биография — это совокупность всех действий и мыслей человека, приходящихся на годы его жизни. Все, что происходит после этого, — дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой человек работал, и прочее — не в силах изменить траекторию его жизни и окружавшее его некогда социокультурное пространство, ибо все это уже произошло, состоялось, ушло. Но время придает прожитой человеком жизни новый смысл, детерминирует, проявляет его судьбу. Судьба — это комплекс всего, что предопределяет биографию человека (предбиография), наполняет его жизнь (собственно биография) и связано с ним после ее завершения (постбиография). У биографии есть начало и конец, судьба же теоретически бесконечна, точнее сказать — судьба обычно дольше, продолжительнее жизни. Судьба — многомернее биографии.

В рамках биографического анализа можно говорить о трех смыслах понятия судьбы. Во-первых, судьба — это то, с чем человек приходит в мир, каждому что-то дано от рождения. Одним дано воспринять и распознать этот дар, "зов" довольно рано, и тогда комплекс этих ощущений детерминирует ведущие жизненные ценности и установки человека, в частности выбор им профессии. Т.И.Заславская сказала: *"...посвящение жизни науке легко объяснимо: дед и отец были профессорами, и я с детства знала, что наука — самое интересное и достойное занятие"* [13]. С особенностями внутрисемейной атмосферы связывает свою судьбу исследователя и А.Ю. Мягков: *"Мама хотела, чтобы я стал преподавателем, ученым. Папа тоже никогда не возражал. Он и сам очень многие годы работал со студентами энерготехникума и энергетического института. <...> у нас в доме, как правило, в периоды вузовских сессий <...> часто бывали студенты с их неизменными тубусами, чертежами и папками. <...> Ко всему этому я за долгие годы настолько привык, что к моменту выбора профессии иной судьбы для себя я уже просто не представлял"* [14]. Напротив, А.Е. Чирикова лишь благодарит родителей за их невмешательство в ее выбор [15]: *"Мои родители <...> были довольно далеки от той сферы деятельности, которую я себе выбрала как будущую профессию еще в 8-м классе <...>. Я до сих пор благодарна им за то, что они всегда уважали мой выбор. Я была убеждена с 14 лет, что буду психологом"*. Скорее всего в ее предбиографии, в необычности истории ее родительской семьи были не замеченные ею или не упомянутые в

интервью обстоятельства, определившие направленность развития ее интересов от биологии — что весьма распространено в детстве — к психологии, т.е. человеку.

Но многим в силу объективных и субъективных обстоятельств не дано ощущение того, что он должен, он призван что-то сделать для себя и других, возможно, для человечества в целом. К примеру, в одном из писем В.А.Ядов, характеризуя Б.А.Грушину и отмечая близость восприятия ими обоими социологии и жизни, писал о своем друге: *"Он по природе человек ДОЛГА, но долга не только перед близкими и своим обществом, но как пророки — долга перед самой историей. Мессионерская черта"* [16].

Во-вторых, судьба, которую человек сам создает свою жизнью; это судьба-рукотворная, не унаследованная, не "подаренная", но приобретенная, слепленная самой жизнью человека. В-третьих, судьба — это форма существования человека после его смерти, это жизнь того, что он оставил другим.

Я благодарен В.А.Бачинину, высказавшему после прочтения статьи о Б.А.Грушине [17] ряд ценных социолого-культурологических замечаний о природе судьбы. Сейчас ограничусь рассмотрением лишь двух из них.

Прежде всего, мне представляется ценным суждение Бачинина о том, что понятие судьбы выведено из христианского лексикона. *"В христианском сознании оно целиком поглощается представлением о Божьей воле. Однако религиозная и, тем более, секулярная мысль охотно пользуются им. Оно позволяет и атеистам учитывать, что очень многое в мире не в их руках и не в их воле"* [18]. На мой взгляд, это суждение знатока религиозных текстов оказывается своего рода защитой секулярной трактовки соотношения судьбы и биографии от возможных завлечений, что вся эта тематика находится вне научного дискурса.

В словарной заметке [19] о природе судьбы Бачинин выделяет три группы, или три пласта факторов, обстоятельств, формирующих судьбу человека. Прежде всего отмечается *метафизическая, трансцендентная* составляющая, т.е. этот фактор является функцией высших сил, которым подчинено всё мировое бытие, включая физическую, социальную и духовную жизнь людей. По сути признается существование Творца, могущего распорядиться каждой человеческой жизнью по своему усмотрению. Затем указывается на существование факторов онтологической природы, речь идет о сплетении бесчисленных обстоятельств разного характера, сложившихся к моменту рождения человека. В этом нерасчленном целом человеку и предстоит действовать. Третий фактор — *антропный*; судьба зависит от действий и поступков, совершаемых человеком в процессе движения по предначертанному ему пути.

В предложенном выше толковании термина "судьба" присутствует онтологическое — в виде предбиографии и всей системы отношений, в которых действует личность, и антропное. Сама биография и есть антропная составляющая судьбы. С другой стороны, конструктивность такой интерпретации соотношения судьбы и биографии позволяет не рассматривать действие метафизического, или трансцендентного, фактора.

Онтологическая и антропная составляющая судьбы образуют традиционный предмет культурологического, герменевтического исследования жизни и творчества ученых. Много более сложным является отношение к метафизическому, трансцендентному аспекту судьбы, но и эта тема должна обсуждаться в наших методологических построениях и собственно историко-биографических рассуждениях и рефлексиях. Это становится ясным, если представить себе, что биограф целенаправленно изучает творчество религиозных личностей. В недавние годы мне приходилось это делать [2].

Так, Джон Уонамейкер, исходя из своих религиозных убеждений, провозгласил принципы честной торговли и показал, что следование им позволяет достичь больших успехов в бизнесе. Руководствуясь сходными представлениями о ведении

торговли, Джон Пауэрс обосновал правила создания честной рекламы и доказал эффективность этой методологии рекламирования. Один из выдающихся американских копирайтеров Брюс Бартон был глубоко верующим человеком и вошел в историю культуры страны как автор оригинальной трактовки жизни Иисуса и концепции, согласно которой бизнес это служение людям и основа для развития личности. Допускаю, что принимая во внимание наличие трансцендентного аспекта судьбы, я мог бы несколько иначе, чем это было сделано, описать жизнь и творчество этих людей.

В своей давней книге [20] И.С.Кон предположил разделу, озаглавленному "Биография и судьба", слова И.А.Бунина: "Все человеческие судьбы слагаются случайно, в зависимости от судеб, их окружающих...". Пока наше общество было атеистическим, иногда воинственно антирелигиозным, оно соответствующим образом формировало новые и новые поколения. Соответственно, обществоведы, в том числе и биографы, могли не учитывать (и не учитывали) фактора религиозности среды и общности населения и личности к церкви. Тем более, что большинство людей скрывало свою религиозность. Процессы, происходящие в последние годы в российском социуме, указывают на то, что эта исследовательская парадигматика в ближайшие годы будет трансформироваться.

В моих беседах с социологами, особенно при личных встречах, они не раз говорили мне о том, чтобы были крещены в детстве или принимали решение о крещении самостоятельно в юности или в зрелые годы. Однако по договоренности эти факты не входили в финальный текст интервью. Лишь в двух интервью эта информация присутствует: в опубликованном тексте беседы с М.А.Тарусиным [21] и в грядущем публикации интервью с В.А.Бачининым [4].

Мне кажется, что в историко-наукоеведческих отечественных работах, касающихся становления современного этапа советской/российской социологии, сюжеты судьбо-биографического рода не рассматривались. Прежде всего это может быть объяснено дальновзоркостью истории, ей необходимо время, чтобы понять и оценить истинные масштабы сделанного тем или иным социологом. Второе: явно существующие методологические сложности в исследовании этой проблемы просматриваются уже на стадии очерчивания того, что такое судьба и как она может анализироваться. И третье: задумываясь, тем более — пытаясь заглянуть в судьбу человека, биограф испытывает определенный душевный дискомфорт, он взваливает на себя огромный груз, погружает себя в сложное нравственное пространство, ведь определение судьбы, если отвлечься от деталей, это формулирование своего рода приговора. Прав С.С.Аверинцев, указывая на родственность слов "суд" и "судьба". К счастью, сама история, будущее наделены правом отмены, пересмотра решения о судьбе творческого человека, вынесенного его биографами.

В богатой постбиографической жизни исторических личностей, невозможно отделить факты от мифов, и дело не в ограниченности информационной базы, а в психологии людей. Например, в уже написанных биографиях Владимира Высоцкого, умершего в 1980 году, сложно отделить правду от вымысла. И в будущем отфильтровать одно от другого будет невозможно, ибо каждый, кто возьмется за описание его жизни, будет не только читать его стихи, слушать его песни, но вынужден будет постоянно обращаться к тому, что будет опубликовано до него. За два десятилетия, прошедших после смерти Андрея Дмитриевича Сахарова, аналогичное произошло и с его образом. Одни фрагменты его жизни в силу закрытости тематики, по которой он работал, и сложности для неспециалистов исследовавшихся им научных проблем остаются практически не известными, анализ и освещение других сторон его жизни,

в частности его правозащитной деятельности, нередко крайне субъективизированы, политизированы.

Лишь в исключительных случаях истории, биографы имеют дело с биографиями, как правило же — с судьбами. И чем более продолжительный интервал времени разделяет биографа и биографируемого, тем тоньше оказывается биографический пласт и тем сложнее выделить его из судьбы. Обычно, к тому моменту, когда ученые, писатели берутся за изучение биографий своих героев, они уже давно пребывают во власти судеб этих людей, "околдованы" ими. В противном случае нет повода для всматривания в жизнь этих акторов. Ведь нередко проходят десятилетия от момента первого знакомства будущего исследователя с именем, фрагментами жизни заинтересовавшей его исторической личности до принятия этим ученым решения о направленном познании ее жизни и создания ее жизнеописания.

В процессе работы над биографиями выдающихся людей мира рекламы: Финейаса Тейлора Барнума, Альберта Ласкера и Дэвида Огилви, создателей выборочной технологии изучения общественного мнения: Джорджа Гэллапа, Элмо Роупера, Арчибальда Кроссли и многих других я ощущал, что характер моего поиска во многом определяется моим знанием их постбиографий. Возможно, еще в большей степени я находился во власти судеб Б.А.Грушина и Ю.А.Левады, когда после их смерти писал о них.

Мифологизация образа человека, "пропитывание" биографии судьбой происходит за несколько десятилетий, а часто и в более короткий срок. И есть моменты, способствующие мифологизации образа того или иного человека, ускоряющие ее. Во-первых, это скудность информации о жизни человека, иногда — в силу стечения жизненных обстоятельств, например, утрата "материализованного прошлого": документов, следов деятельности человека, в других случаях это происходит в силу личностных особенностей человека, его стремления "закрыть" свою жизнь от других. К примеру, до недавнего времени весьма скудной была информация о жизни Ю.А.Левады, который добровольно отделил себя от "всех значимых социальных субъектов" (А.Левинсон), отводил друзьям роль не поддерживающих, а немешающих (А.Левинсон), живший "наедине с собой" (Б.Фирсов). Он сам говорил о себе: "Я довольно одинокий волк всю жизнь" [22]. Вышедшая недавно книга воспоминаний о Леваде [23] позволяет несколько глубже и шире увидеть его биографию¹.

Природа второго обстоятельства коренится в восприятии современниками личностей, оказывающихся в центре важных исторических событий. Так, все перипетии давления властей на Леваду, поводом для которых были его "Лекции по социологии", и его стойкое сопротивление этим акциям сразу внесли его биографию в историю становления советской социологии. Потому на протяжении значительной части жизни Левады его биография оказалась влеченной в его судьбу. Существовал человек, и существовал миф о нем.

Биографии исторических личностей, написанные в разное время, даже если они базируются на одном и том же фактическом материале, различны в силу двух обстоятельств. Во-первых, автор, стремящийся написать новую биографию героя, находится в ином поле судьбы последнего, чем те, кто воспринимал его жизнь и дела десятилетиями, часто — столетиями раньше. Во-вторых, данный автор и герой будут находиться совсем в ином коммуникационном пространстве, у них будет иное общение, чем у тех, кто писал на эту же тему раньше. Так, к примеру, личное знакомство с биографируемым может способствовать анализу его жизни и творчества, но может, наоборот, связывать работу биографа.

В целом же соотношение биографии и судьбы оказывает-

¹ Рецензию автора настоящей статьи на указанную книгу см. на стр. этого выпуска "Телескопа".

ся непростым и многоаспектным. В истории цивилизации сохранилось множество имен людей, проживших тихо, незаметно, несчастливо, имевших внешне невыразительную биографию, но, благодаря сделанному ими, приобретших долгую и яркую судьбу. И существует, возможно, много большее число людей, чьи биографии казались или действительно были блестящими, счастливыми, но их судьбы оказались короткими.

В общем случае *познание судьбы* предполагает изучение *предбиографии* человека, его *биографии* и *постбиографии*. Исследование предбиографии как части судьбы — мало разработанная тема, хотя в жизни родителей и более далеких предков, а также в достаточно консервативном мире традиций и культуры, в который человек входит сразу после своего рождения (или даже раньше), может быть обнаружено многое для понимания его деятельности. Часто именно это прошлое, не осознаваемое человеком в детстве, но окутывающее его, может оказаться доминирующим фактором первичной социализации.

В нашей переписке В.А. Бачинин заметил, что "постбиография" — это есть, собственно говоря, мир биографических интерпретаций, мир свободных или тенденциозных текстов, возвышающих или принижающих героя [24]. Я не думаю, что постбиография — лишь множество интерпретаций. Если говорить о мировой науке, то ярчайший пример — судьба Грегори Менделя. Открытые им законы наследственности вошли в арсенал науки через несколько десятилетий после его смерти. Они стали и основой генетики, и причиной его посмертного признания. Нечто схожее произошло с трудами и судьбами А.Л. Чижевского и Н.Д. Кондратьева.

Отношение общества, профессионального сообщества к наследию, оставленному творцом, составляет суть, ядро судьбы. Во-первых, послеземная фаза судьбы может быть много продолжительнее собственно жизненного пути человека. Во-вторых, как предбиография и биография, так и постбиография — это части культуры своего времени. Именно столкновение этих культур во многом и объясняет парадоксы судьбы исторических личностей. Подобных примеров масса: в науке, в изобразительном искусстве и музыке, в литературе. Объясняется все просто: человек, личность, творец — опередил время, в период его жизни сделанное им казалось ненужным, даже чуждым обществу, отторгалось или замалчивалось. Но результат его труда оказался созвучен требованиям нового времени, ожиданиям, запросам новых поколений, и при неизменности биографии этого человека его судьба круто меняется.

Есть еще одно понятие, редко используемое в историко-наукоеведческой практике, но отвечающее установке на био-логическое прочтение жизненного пути человека. Это — мания, свойство одновременно личное и надличное, его истоки иногда коренятся в предбиографии, но бывает оно и почти осознанно самоформируемым. Это свойство творческой личности, во многом определяющее биографию личности и — как следствие — постбиографическую часть ее судьбы.

Слово "мания", нередко с негативной коннотацией, используют как категорию психопатологии, но мне хотелось бы вернуться к его базовому греческому значению: страсть, влечение, одержимость, неистовство. В моем понимании, мания — это комплекс разнообразных идей, возникающих у исследователя под воздействием какого-то сложного взаимодействия внешних обстоятельств и внутренних переживаний и детерминирующих его суперактивность в разработке представляющих ему важных проблем. Обычно это множество идей захватывает сознание человека целиком, порождает его высочайшую сосредоточенность, концентрацию на выделенных им самим познавательных проблемах и заставляет его отказываться от многого, почти от всего ради достижения поставленной научной цели. Естественно, речь может идти как о теоретических проблемах, так и о программах прикладной направленности. Историками культуры и науки нередко подмечаются элементы

маниакальности в творчестве великих музыкантов, художников, поэтов, математиков, ученых-естествоиспытателей и изобретателей.

Анализ процессов зарождения рекламы и технологии массовых опросов в США, а также изучение большого числа биографий выдающихся американских бизнесменов, рекламистов и полстеров позволил мне наблюдать пути становления и характер деятельности большого числа творческих личностей, зажженных своими идеями, совершавших то, что противоречило существовавшим традициям нормального ведения бизнеса или сложившимся представлениям об изучении рынка и массовых политических установок. Каждый из них вошел в историю как "отец" инновации, изменившей жизнь людей и общества. В своем деле они видели свою судьбу, предназначение, свой ответ на вызовы прошлого и запросы будущего. Они могли быть одержимыми и были таковыми. Они чувствовали себя свободными и — главное — независимыми от власти, от государства. Они не ждали от него помощи и не выстраивали свои дела, согласуя их с интересами государства. Их жизнь — это торжество личности. В старости у людей всегда много печальных мыслей и тяжелых воспоминаний, но вряд ли все эти люди с грустью думали о том, что государство, власть противодействовали им.

Изучение биографий российских социологов дает иную картину взаимоотношений творца и власти: здесь стремление что-то сделать постоянно осаживали сверху. Те, кому историей было уготовано в конце 1950-х-начале 1960-х годов начать новый этап в развитии российской социологии, шли в университеты, познав тяготы войны, пережив гибель родных, испытав огромную радость Победы. Они гордились своим государством, верили в могущественность социализма, были затолкнута ограждены родителями, старшими от знания дореволюционной жизни и событий конца 1930-х годов. Они осознанно шли учиться, чтобы лучше узнать мир и чтобы улучшить жизнь людей. То была юношеская одержимость; они прекрасно учились, многие были сталинскими стипендиатами и получали "красные" дипломы, искренне занимались общественной работой по линии комсомола, рано начинали самостоятельные научные исследования.

В период еще сохранявшегося "оттепленного" тепла эти молодые ученые, тогда 30-летние, боролись за конституирование социологии как самостоятельной науки и смогли провести исследования, признанные сегодня классикой советской социологии. Но прошло несколько лет, и многое стало меняться. Планы — разваливались, надежды — улечивались, возможности для работы и публикации результатов — сокращались и т. д. Одержимость ученых в познании общества и их предложения по коррекции социальной политики начинали пугать власть, поддержка властными структурами социологии сменилась подозрительностью к ученым и созданием условий, в которых творчество активно подавлялось.

Усиление цензуры и распространение самоцензуры имело следствием выхолащивание из публикуемых результатов наиболее ценного, нового, могущего будоражить сознание.

Власть еще обращалась к социологам, но одновременно ограничивалась семантика пространств, в которых им было разрешено работать. Выход за "флажки" грозил приостановлением проекта или отлучением строптивых от него. Перед учеными возникали следующие альтернативы: переход к изучению иных ниш социологической проблематики, в смежные области науки, либо уход из науки вообще. Обращение к биографическому материалу дает массу примеров подобного развития жизненных траекторий социологов ряда поколений. Лишь единицам удавалось, претерпевая множество неудобств и, идя на жертвы, не отступить от своих замыслов, демонстрируя некую маниакальность или следование предначертанию судьбы. Одной из отличительных черт хрущевского и более поздних советских режимов было стремление к унификации поведения

личности, и — безусловно — это оборачивалось сокращением допустимых стилей творческого поведения.

Наука развивалась в ненормальных условиях, бессмысленно было думать о реализации своих планов познания общества и участия в его трансформации. Неистовство не могло быть востребовано, обстановка в стране глушила его. Перестройка показала, что молчание и пассивность социологов первых поколений в 1970-х — начале 1980-х годов была вынужденной, они были резко ограничены в правах и возможностях. Разговор о биографиях и судьбах российских/советских социологов вне соотнесения с содержанием эпохи, в которой они жили, но которую не выбирали, невозможен.

Уверен, многие, и не только люди нашего цеха, согласятся со словами И.С.Кона, сказанными им в конце прошлого столетия: *"Доволен ли я своей жизнью? Я никогда не мог заниматься своим прямым делом. Раньше этому мешала идеологическая тупость, теперь — обнищание страны, которой ученые практически не нужны. Пожилым людям революции вообще противопоказаны. Подобно большинству своих ровесников, в славном новом мире дикого первоначального накопления я чувствую себя посторонним. Старая жизнь кончилась, на новую не осталось сил. Но эпоху не выбирают..."* [25].

Литература:

1. Докторов Б.З. Дж. Гэллап — наш современник: к 100 летию со дня рождения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2000. № 2. С. 2-18 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1257324392226875file.pdf>.
2. Докторов Б.З. Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП. 2008. <<http://www.pseudology.org/Gallup/ReklamaOprosy.pdf>>.
3. Ионин Л.Г.: "Надо соглашаться с собственным выбором" // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 3. С. 2-14. <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1220006132193846file.pdf>.
4. Бачинин В.А.: "Есть ли Бог в социологии?". Интервью, проведенное в марте-мае 2010 г. Не опубликовано.
5. Петровская И.Ф. Введение в биографику. Источники биографической информации о россиянах 1801—1917 гг. Российский институт истории искусств. — СПб.: Logos, 2003.
6. Дубин Б.В. Обращенный взгляд / Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: НЛО, 2001, с. 100 <<http://ec-dejavu.ru/b-2/Biography.html>>.
7. Кузнецов Б.Г. Встречи. М.: Наука, 1984.
8. Докторов Б. Онлайн-опросы: обыденность наступившего столетия // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2000. №4. С. 16-31 <http://www.pseudology.org/Gallup/On_line_Polls.htm>.
9. Докторов Б. "Работа над биографиями — это общение с моими героями" (интервью В.А.Ядову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 40-50 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1208533220388169file.pdf>.
10. Geertz C. The interpretation of cultures. Basic books, New York: 1973.
11. Беспалова Ю.М. Западно-сибирские предприниматели второй половины XIX — начала XX вв: имена, биографии, судьбы. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2002.
12. Петровская И.Ф.: "Эпоха — не исторический фон, а партнёр человека в драме его жизни" // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 4. С. 39-42. <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/petrovskaya.html>>.
13. Заславская Т.И.: "Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие — это наука" // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 137-169. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/zaslavskaya_07.html>.
14. Мятков А.Ю.: "Иной судьбы для себя просто не представлял" // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 2. С. 2-11.
15. Чирикова А.Е.: "Мой профессиональный выбор был правильным" // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 1. С. 2-13.
16. Электронное письмо В.А.Ядова от 10 мая 2009 г.
17. Докторов Б. Борис Грушин. Человек идеалов и идей // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 2. С. 12-16.
18. Электронное письмо В.А. Бачинина от 18 апреля 2010 г.
19. Бачинин В. А. Судьба. — Он же. Малая христианская энциклопедия в 4-х томах. Религиозная философия. Т. I. СПб.: изд. "Шандал". 2003. С. 282-284.
20. Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: "Политиздат". 1984. С. 170.
21. Тарусин М. "Мы формировались во времена отрицания" // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 55-79 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0707-055-079.pdf>>.
22. Левада Ю. "Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе" // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 165.
23. Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Составитель Т.В.Левада. М.: Издатель Карпов Е.В., 2010.
24. Электронное письмо В.А. Бачинина от 19 апреля 2010 г.
25. Кон И.С.: "Эпоху не выбирают". Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г.С. Батыгин. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт. 1999. С. 131.